

в роли антецедента придаточного предложения — ср. у Цезаря: *Нис ea, quae paraverant, conferunt* — сюда то, что... и т. д.

Серьезным соперником *ille* явилось местоимение *ipse* («сам» или «этот же»), обладавшее достаточно широким и в то же время как бы замкнутым значением и не использовавшееся поэтому для связи отдельных членов предложения. Борьба эта нашла свое отражение в романских языках (ср. употребление в качестве артикля дериватов *ipse* в сардинском, старокаталанском и отчасти старопровансальском языках)¹⁶.

Из числительных в качестве оформителя существительного могла использоваться лишь форма *unus*, которая, изменяясь по родам, числам и падежам, употреблялась при большинстве конкретных существительных.

Хотя начало десемантизации форм *ille* и *unus* восходит еще к III—II вв. до н. э.¹⁷, процесс грамматизации их был чрезвычайно длительным. Вплоть до VI—VII вв. в памятниках народной латыни указательные местоимения еще употреблялись спорадически, сохраняя почти повсюду свое указательно-пространственное значение, и служили, таким образом, средством выражения субъективно-указательных отношений говорящего к лицам, предметам и явлениям. Поэтому появление артикля следует отнести к латинским памятникам конца VI и начала VII вв. Во Франции это сочинения Григория Турского, Пелагиуса и меровингские грамоты¹⁸.

Первым романским памятником арктикль уже также известен, до этого он, очевидно, укрепился в устной речи.

В отличие от указательных местоимений, употребление которых было обусловлено конкретной смысловой ситуацией, употребление выросшего из них артикля в галло-романский период и старофранцузский период подчиняется определенным грамматическим правилам. Вместе с тем сочетание артикля с существительным имеет и другое принципиальное отличие от соединений указательного местоимения с именем. В старофранцузский период комбинация артикля с определенными разрядами существительных имеет характер устойчивого фразеологического сочетания, в то время как группа указательное местоимение + существительное сохраняет в латинском языке характер свободного словосочетания. Это укрепление грамматических связей артикля с существительным объясняется целым комплексом причин.

Во-первых, артикль теряет свою лексическую самостоятельность и, превращаясь таким образом в формант имени (см. ниже), естественно стремится составить с ним единый фонетико-синтаксический комплекс. Уже в ранних старофранцузских памятниках довольно часты случаи элизии артикля. Во-вторых, случаи отсечения артикля от существительного преобладающим прилагательным становятся все реже, поскольку прилагательные-эпитеты, подчиняясь укрепляющемуся правилу прямого порядка слов, все чаще попадают в постпозицию к имени. Вследствие грамматической «спайки» артикля и имени в старофранцузском языке вырабатывается правило, по которому слово, заключенное между артиклем и именем, образует с последним тесное смысловое единство. Ср. *li deo inimi* (*Sⁱ Eul.*) = нехристи, язычники, *la neire gent* (*Roll.*, 1917) = мавры.

Несмотря на все это, еще рано говорить о морфологизации артикля. Синтаксическая природа старофранцузского артикля проявляется, во-первых, в том, что чаще всего он сопровождает подлежащее, реже прямое дополнение, а при предложных дополнениях употребляется лишь в случаях, когда последнее снабжено прилагательным или каким-либо другим

¹⁶ См. В. Ф. Шпшмарев, Историческая морфология, назв. соч., стр. 49.

¹⁷ Ср. у Плавта: *Num requit alterum apud matrem domi* (*Men.*, 28) — «оставил другого у матери дома» или *Est huic unus servus violentissimus* (*Truc.*, 243) — «есть у него один злощный раб».

¹⁸ См. «Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik» pp. Woelfflin, Лейпциг, 1896, IX, стр. 253, 493, 506. Ср. также «Indogerm. Forschungen», 43, стр. 108 сл.